

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 24 сентября 1988 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 24 de setiembre de 1988 N° 1990

А. ФЕДОСЕЕВ

ИСТОЧНИКИ АЛЬТРУИЗМА

Человеколюбие, альтруизм должны, казалось бы, быть заложены в самой природе человека, так как кого же любить, если не себе подобных? Однако, ограниченность благ земных и неограниченность человеческих желаний приводят к необходимости людей конкурировать друг с другом в борьбе за ту или иную долю этих благ. Отсюда и поговорка: человек человеку — волк. Безусловно, есть и такие люди, которые самоустраиваются от этой борьбы, довольствуясь тем малым, что так или иначе перепадает на их долю. Они больше ценят свой покой, чем мирские блага, или поступают так по религиозным и другим подобным мотивам. Существует даже целое учение, буддизм, которое учит, что личное удовлетворение можно получить не только через успешную борьбу за благо, но в еще большей степени путем наиболее полного ограничения своих желаний.

Резко ограничив свои желания и потребности, человечество привело бы их в соответствие с количеством имеющихся благ. Этих благ хватило бы для всех. Борьба за них не было бы нужды. Человечество прекратило бы междоусобную борьбу за мирские блага и воцарились бы всеобщие гармония и покой. В некотором роде это есть противоположность идее социализма. Социализм подходит с прямо противоположной стороны и хочет колоссальным ростом производительности труда удовлетворить любые человеческие желания, не ограничивая их: «всем по потребности». Это тоже ликвидирует междоусобную борьбу за благо и создаст всеобщие гармонию и мир. Преимущество буддизма в том, что, следуя этой вере, человек может не дожидаться осуществления общечеловеческой гармонии и примирения или избытка благ, а может получить гармонию и покой для себя и своих товарищей по вере, можно сказать, немедленно. При этом буддисты могут избежать опасности полного лишения насущных благ, которое бы неизбежно произошло из-за того, что все люди, став буддистами, перестали бы эгоистически желать их добывать. Остальное человечество, не прекратив добычу благ, не даст буддистам умереть от голода, холода, болезней, будучи лишенными таких насущных благ, как пища, одежда, крыша над головой, лекарства и т. п.

Обе вышеуказанные идеи достижения всеобщей гармонии, пожалуй, довольно примитивны и, конечно, утопичны. *Мировые религии имеют куда более сложные и гораздо более реалистичные программы для человечества.* Человек, ограничивший свои материальные потребности в наше время скупым минимумом, может найти себе удовлетворение и даже счастье, делая добро другим и получая от них благодарность. Знаменитая мать Тереза из Калькутты именно тем и счастлива, что помогает бедным и больным детям, сама

являясь бедной, и довольствуясь для себя очень малым. В условиях нищеты Индии такой способ быть счастливым является наиболее доступным и так поступает в Индии отнюдь не одна мать Тереза, а очень многие, но именно она получила мировую известность. В Индии очень распространены буддизм.

Если, однако, альтруистическая деятельность и самопожертвование не приносили бы матери Терезе душевного удовлетворения и благодарности людей, тогда это делала бы ее деятельность бессмысленной и едва ли она стала бы ею заниматься. Таким образом мать Тереза предпочитает себе духовное удовлетворение вместо материального. Такие люди редки. (Большинство хочет побольше и того и другого, а часто по преимуществу материального). Поэтому люди, как мать Тереза, оцениваются нами высоко.

В истории православной религии известно множество людей, подвиги человеколюбия которых заслужили им даже сан святых людей. Вероятно, человечество жило бы много лучше и слаженнее, если бы среди миллионов было бы больше людей именно с такими высокими духовными интересами. Я с осторожностью пишу «вероятно» потому, что и другая часть человечества, борющаяся за исполнение своих творческих и, в том числе, материальных амбиций, как я уже отметил, тоже необходима. Иначе, чем бы мать Тереза могла бы помогать больным детям, если бы не лекарства, пища, одежда, здания, электричество, водопровод и тому подобные блага, которые были созданы этой самой амбициозной частью человечества. Так или иначе, но среди читателей «Нашей Страны» много людей, считающих, что слишком мал в нашей среде людей с высокими духовными интересами и слишком много материалистических и амбициозных людей. С этим можно вполне согласиться. Вопрос заключается в том, что следует делать, чтобы получить желаемое превосходство духовных ценностей над материальными? Почему превосходство именно материальных ценностей увеличивается, а не уменьшается?

Боюсь, что господин С. Гундоров («Н. С.» # 1968) получит новую возможность укорить меня в незнании тех или иных высказываний, тех или иных авторитетов прошлого (и даже настоящего) и в «развязном обращении с предметом». И он будет прав. Несмотря на все мои ученые степени и заслуги в моей профессии электроники и несмотря на ежедневное чтение многих и многих книг по вопросам, выходящим за пределы моей профессии, приходится признать, что, даже приближаясь к окончанию своего срока пребывания на грешной земле, я все еще знаю бесконечно мало. Мало того, я даже не знаю способа, с помощью которого мои мозги могли бы вместить не только

все человеческое знание, но даже только знание господина С. Гундорова в дополнение к тому, что я знаю сам. Точно так же, как его мозги не будут в состоянии прибавить к его знаниям и опыту мои знания и опыт. Мы с ним из бескрайнего океана знаний даже выбираем для ознакомления разное по собственному вкусу, в соответствии со своим жизненным опытом, что мы чувствуем, для нас полезно. Даже из одной и той же книги мы воспримем разное в соответствии с нашим разным жизненным опытом. Я уже не говорю о том простом факте, что то, что я читал, С. Гундоров не читал и наоборот. Поэтому придется нам оставаться такими, какие мы есть, разные, с разным опытом, и лишь пытаться отыскать через дискуссию что-то общее в жизненном опыте каждого, что позволило бы понять друг друга. Если же этого общего опыта не найдется, обоим придется остаться при своих суждениях. В большинстве случаев опыт людей настолько различен, что они друг друга не понимают, несмотря на вполне понятные слова, которыми они обмениваются. Кто может понять и ощутить чужую боль, если он сам ее не испытал?

Этот наш, с господином С. Гундоровым случай, показывает, почему любая словесная пропаганда по любым вопросам является безуспешной, если она не подкреплена соответствующим личным опытом объекта пропаганды. Многие считают, что «материалистические» соображения должны уступить место пропаганде «высоких духовных ценностей» в особенности «в наш нынешний безнравственный материалистический век». Суть дела в том именно и состоит, что мои «материалистические» соображения направлены к тому, чтобы выяснить, а как же можно было бы поднять нравственность, увеличить значение высоких духовных ценностей в нашей жизни? Я абсолютно уверен, что С. Гундоров ревностно пропагандирует высокие духовные ценности всю свою жизнь, являясь одним из их источников. Точно так же, я уверен, поступают и В. Лешин и Андрей Окунев и многие другие. Они могут мне не поверить, но я стремлюсь к тому же. Безусловно их пропаганда высоких духовных ценностей похвальна и в некоторых случаях приводит к успеху, но только у единомышленников. Беда в том, что их пропаганда, я подозреваю, не превратила ни одного «материалиста» в борца за высокие духовные ценности. Буду очень рад, если я ошибся. Иначе говоря их способ борьбы за высокие духовные ценности, будучи похвальным, оказывается безуспешным. И не только их. Ведь они могут наблюдать повсеместно и на Западе, как высокие духовные ценности и религия подвергаются массивному осквернению и осмеиванию, а в СССР 70 лет находились под полным запретом.

Обычное поведение, так называемого, советского народа почти полностью лишено нравственности. (Это, конечно, не означает, что им утрачена человеческая сущность). Я хочу сказать, что словесная пропаганда весьма неэффективна. Высокие духовные ценности и религиозную веру нельзя в уже взрослых людей «вговорить». Можно детей воспитать. Верно, но только если родители этими ценностями сами обладают и имеют воспитательный дар.

Кстати, мы все рождаемся отъявленными эгоистами без всяких духовных ценностей. Только родители и школа не просто только словом, но и примером, могут воспитать в нас (пока мы дети) людей с высокими духовными интересами. Повзрослев, мы даже можем и забыть об источниках нашей морали и альтруизма и считать, что мы уже родились хорошими. Беда в том, что произошло массовое исчезновение верующих родителей. Пришло и массовое исчезновение верующих учителей. Мало того, появились законы, весьма неблагоприятные воспитанию в детях веры и высоких духовных ценностей. Больше того, как я уже писал, следование заповедям христианской морали было бы экономически и социально весьма выгодно для хорошего функционирования любого человеческого общества, но даже этот факт не помогает внедрению в человеческое общество высоких духовных ценностей. Все семидесятилетнее существование социализма и советской власти со всем ее колоссальным пропагандным аппаратом, обрабатывающим людей с грудного возраста до самой смерти, демонстрирует полный провал этой пропаганды. Советская власть пропагандирует доблестный труд (буквально, по библейской заповеди: «трудись в поте лица своего»), дружбу народов (почти «возлюби ближнего»), самоотверженность. Пропагандирует недопустимость лжи и воровства. Пропагандирует теперь даже и семью и сотрудничество и взывает с членов партии за «сворачивание жены ближнего». Чем плоха эта пропаганда? Очень даже хороша. Беда-то в том, что социализм с его отсутствием социального равновесия превратил все в чужое, не свое, и, не сумев ликвидировать эгоизм трудящихся, ликвидировал носителей противоположного эгоизма («эксплуататоров»), то есть ликвидировал естественный и крайне необходимый противовес.

Пропаганда полностью расходится с делом. В результате создались условия жизни, в которых без лжи, воровства не проживешь, за доблестный труд ничего не получишь, а будешь самоотверженным погибнешь без остатка. И какая уж тут семья, когда на одну зарплату жить, значит ноги протянуть, а поскольку и всем все «до лампочки», то в детских

очагах и садах, дети добру тоже не учатся и часто превращаются в преступников, лишённые материнского присмотра. Так, самая мощная в мире пропагандная машина СССР толку не даёт. Трудящиеся в своей массе не следуют (не могут) ни одной заповеди христианства, а без их соблюдения и социализм не работает и приводит к экономической катастрофе. Дошло до того, что и религию вспомнили, чтобы она помогла навести трудящихся на путь истины. А то ведь и советской власти быстро крышка будет. Едва ли С. Гундоров может соревноваться в пропаганде с советской властью, а и её успех даже не нулю равен, а отрицательной величине. Обстоятельства социализма мощнее любой пропаганды. Торжество высоких духовных ценностей невозможно без ликвидации социализма. Любопытно, что те же люди, которым в СССР все было «до лампочки», которые в СССР бездельничали и воровали, ввали напропалую, выехав за границу почти мгновенно меняют свое поведение на гораздо более человеческое: их человеческая суть не изменилась. Изменилось лишь их поведение. Однако и на Западе становится слишком много чужого. Социальное равновесие исчезает. Власть банков и денег тоже заставляет людей вести себя, не следуя христианским заповедям морали. С высокими духовными ценностями тоже можно погибнуть. Поэтому и религия с ее высокими духовными ценностями на Западе находится в упадке, так как условия жизни стали ей противоречить. *Таким образом, как это не чуждо С. Гундорову и многим, но оказывается, что успех высоких духовных ценностей зависит не столько от пропаганды и их провозглашения со всяких трибун, включая «Нашу Страну», сколько от политического строя, от системы управления обществом и экономикой, от отсутствия или присутствия в обществе мощных жизненных обстоятельств, способствующих внедрению морали.*

Как я уже писал, миллионы собственников предпринимателей («эксплуататоров»), в условиях жестокой конкуренции являются мощными источниками и воспитателями христианской морали, которая им до зарезу нужна для обеспечения высокой эффективности и прибыльности их дела и, следовательно, для процветания всего общества, в целом. Крестьянский труд на земле, которой крестьянин обязательно должен быть хозяином, тоже воспитывает в нем и его семье христианскую мораль. А вот банкирам, менеджерам корпораций, государства, партий, профсоюзов христианская мораль просто ни к чему. Дорвавшись до власти над чужими деньгами и имуществом, растраниживая их в свою пользу, они демонстрируют всем своим поведением как далеки они от христианской морали. В их деле на морали не выживешь. Таким образом, и на Западе для торжества высоких духовных ценностей нужно ликвидировать засилье корпораций и банков и вернуть деньги к своей функции средства обмена, а не средства власти над людьми. Именно поэтому я и занимаюсь эгоизмом и социальным равновесием, так как пропаганда против условий жизни бессильна. Нужно менять политическую и экономическую структуру общества. Поэтому и С. Гундоров, воспитанный ранее в семье с христианской моралью, являясь защитником и поборником морали, едва ли обратил в свою веру хотя бы одного человека. В то же время мы наблюдаем и на Западе и, особенно, в СССР дви-

жение людей к религии и к высоким духовным ценностям. Почему? Лишённые экономической, материальной независимости, «советские» люди находятся под диктатом их единственного работодателя и собственника всех их средств существования — социалистического государства. Поэтому уже семьдесят лет они не могут реализовать свои собственные природные индивидуальные творческие материальные амбиции и таланты. Для этого они должны были бы иметь в своем распоряжении материальные производственные ресурсы, которые все находятся у государства. Они бы обратились к духовным интересам, но средства реализации и духовных интересов (печатное и высказанное слово, даже социальная благотворительность и духовная помощь людям) тоже целиком монополизированы государством, превратившим и это в свою бестолковую бюрократическую ватчину.

Главное, что к любой негосударственной («неорганизованной») деятельности и в этой области, государство относится весьма ревниво и не хочет иметь никаких конкурентов. Не удивительно, что «советские» люди начинают прибегать к религии, как к чему-то, что по своей сути, *противостоит социализму и не может быть подчинено государству*, основанному на идее всемогущества разума. Я имею в виду не просто Церковь, а именно религию, то есть веру. Кроме того, человеческое мировоззрение и поведение основаны на разуме не более, чем, я думаю, на 20 процентов. Таким образом вера во что-то (вытекающая из жизненного опыта), включая религиозную веру, не может быть у человека отнята. Без этой веры человек перестает быть полным человеком. В то же время, именно религиозная вера концентрирует в себе тысячелетний опыт человечества и мудрость высоких духовных ценностей. Разочарование во всемогуществе человеческого разума, оказавшегося неспособным не только на утоление насущных духовных нужд человечества, но даже и его материальных нужд (они оказались тесно связанными), привело «советских» людей прямо к вере, но уже не в социалистические идеи и социализм, а в нечто гораздо более высокое, в Бога. *Таким образом, именно жизненный опыт, а не пропаганда, подводит «советских» людей к пониманию великого значения высоких духовных ценностей для их жизни.* Так советская власть получила от своей колоссальной пропаганды прямо противоположный эффект — полную утрату своего контроля над умами и чувствами населения. На Западе религия тоже начинает постепенно восстанавливаться под давлением жизненного опыта масс, постепенно уясняющих себе недостаточность разума и неполноценность человеческого существования без веры. Как в СССР, так и на Западе закрепить восстановление высоких, жизненно необходимых духовных ценностей можно только с помощью политических и экономических преобразований, суть которых в ликвидации всяких монополий и чрезмерных концентраций власти над людьми, в осуществлении равновласти и социального равновесия, обеспечивающих творческую свободу человека и его добровольное сотрудничество друг с другом на основе христианской морали и высоких духовных ценностей, обеспечивающих альтруизм по формуле — человек человеку — друг.

А. ФЕДОСЕЕВ

К. СКВОРЦОВ

«НАРОД ПОБОРЕТ АТЕИСТА»

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит видно,
И кружит по сторонам.
А. С. Пушкин

Великий писатель земли русской Ф. М. Достоевский в своих гениальных произведениях — в «Преступлении и наказании», в «Дневнике Писателя» и в особенности в романе «Бесы» — с поразительной точностью предсказал смысл и ход большевистской революции, а также и подлинный лик ее главных действующих лиц.

«Безбожный анархизм близок» предсказывал Достоевский, «наши дети увидят его... Интернационал решил, чтобы революция началась в России... Бунт в России начнется только с атеизма». Достоевский предсказал, что будет кровавый ужас и потемнение человеческой совести.

«Отвергнув Христа, люди захотят вести справедливость, а кончат тем, что зальют мир кровью». Роман «Бесы» был написан до появления большевиков и, тем не менее, Достоевский всех главных действующих лиц большевизма, за десятки лет до захвата ими власти в России, видел точно такими, какими они оказались. Петр Верховенский — главное действующее лицо в «Бесах» — воплощенный Ленин. Притом не только своим нравственным уродством, но и внешностью: с раскосыми глазами, короткой шеей, голым черепом, говорил он картавя и похикивая. Он закладывал пальцы за жилетку, изрекая свои мысли: «Мне, милостивые государи, на Россию наплевать, тьфу, этика и эстетика: верить в Боженьку — это же подлость!»

Во всех героях «Бесов» Достоевский показал все черты человеческого падения и настоящую бесовскую одержимость будущих вождей большевизма. На основе атеизма Петр Верховенский строит свою политическую доктрину. Живя за границей, организует в России тайные ячейки, распространяет прокламации и сеет смуту. Он сплетник, клеветник и предатель. Все эти качества полностью присущи и Ленину. «Мы пустиим сплетни, доносы, мы всякого гения потушим в младенчестве, все к одному знаменателю».

Вот и ближайшие сподвижники главного беса Петра Верховенского: Ставрогин, Шигалев, Кириллов, Липутин; одержимые бесовской идеей разрушения. Самый из них типичный — Шигалев. Вот его мысли: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. В виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая получит свободу личности, а остальные девять десятых должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо. Каждый человек общества смотрит один за другим и обязан доносить. Каждый член общества принадлежит всем и все каждому».

Аркадий Рахмаинов

ЖУРНАЛ «СОГЛАСИЕ»

В Лос Анжелесе издается русский патристический журнал "Согласие".

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Выходит один раз в месяц.

Подписная плата в США — 18 долл., за границу — 21 долл.

Чеки направлять по адресу: "S O G L A S I E" 5430 Fernwood Avenue

LOS ANGELES CA 90027 USA.

Желающим высылаются пробный номер бесплатно.

Все рабы и в рабстве равны». Это ли не нынешний большевизм?

За несколько месяцев до смерти, в возрасте пятидесяти с небольшим лет, Ленина разбил прогрессивный паралич. Он издавал нечленораздельные звуки или просто мычал.

Верный ученик Ленина, величайший злодей всей мировой истории Сталин, повинен в смерти миллионов людей. Хрущев — жестокий гонитель Церкви и разрушитель храмов Божьих. Брежнев — «усмиритель» Чехословакии и «завоеватель» Афганистана. Последующие за ними генсеки из той же плеяды; одержимые все той же бесовской силой завоевания всего свободного мира.

В заключение всего вышеизложенного, вот еще последнее предсказание Ф. М. Достоевского: «Неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, будь он даже искренен и гениален. Это помните! Из народа выйдет спасение, из веры и смирения его. Народ встретит атеиста, поборет его и станет снова единая православная Россия».

К. СКВОРЦОВ

Языковые уродства

РУСЬ — УКРАИНА

"Русская Мысль" настойчиво, уже многократно, употребляет формулу "1000-летие крещения Руси — Украины".

Сие сочетание — совершенно пелопое, даже независимо от политических и национальных симпатий либо антипатий. Никакой Украины во времена Владимира Святого не существовало; была только Киевская Русь. Термин Украина сложился лишь многими веками позже, обозначая первоначально "окраину". Слово, само по себе, не очень лестное; но это, в сущности, не играет роли: значение слов во времени меняется. Наоборот, название Малороссии означало ведь сначала, примерно, "собственно Россия", но с годами стало украинскими националистами восприниматься как унижительное.

Повторим еще раз: в эпоху крещения не было ни Украины, ни Малороссии, ни даже России; имелась единственно Русь, разделение коей на Великороссию, Белороссию и Малороссию явилось событиями позднейших столетий. Поэтому и употреблять их применительно к тому периоду есть грубая ошибка, не могущая быть оправданной никакими доводами рассудка.

М. АНТОНОВ

УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ — ВЫСШИЙ ВЗЛЕТ НАРОДНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

(Продолжение. См. 1987, 1988, 1990)

В лучшем случае безродность, усовестившись или хотя бы сочтя невыгодным для себя демонстрировать свою антинародную сущность, соглашалась говорить по-русски и изучать памятники российской древности, подобно тому, как и сегодня русский неомарксист, оставаясь антинародным существом, соглашается для выражения своих патриотических чувств есть деревянной ложкой; Хомяков внушал таким псевдорусским, что этого недостаточно:

"... для того, чтобы быть русским, недостаточно грамматического знания русского языка, ни знания стилистики, ни изучения письменных памятников... При всех этих знаниях будешь только порядочным русистом... но живым русским человеком не будешь". (85)

Но это в лучшем случае. Обычно же безродность оставалась безродностью и, во-первых, подводила под это "теоретическую базу", а во-вторых, переходила в контрастную плетню, обвиняя славянофилов в ретроградстве, русопадстве и квадном патриотизме. Многие безродные элементы откровенно признавались, как нередко признаются в том и до сих пор, что не видят большой беды в увлечении западной формальной наукой и других формах подражания Западу; более того, они даже бравовавали своей культурностью и прогрессивностью и выдвигали "теории", согласно которым формализация и рассудочность суть первые признаки научности и культурности. Хомяков высмеял эти "теории" и показал их корни:

"Общество, которое лишилось полноты разумного развития, должно было отчасти лишиться способности понимать и ценить эту полноту. Оно должно было быть склонно презирать утраченное или еще недостигнутое и утешаться скудными приобретениями, купленными ценой великих потерь. Это состояние общества не случайно. Полнота и цельность разума во всех его отправлениях требует полноты в жизни, и там, где знание оторвано от жизни, где общество, хранящее это знание, оторвано от своей родной основы, там может развиваться и преобладать только рассудок — сила разлагающая, а не живительная, сила скудная потому, что она может пользоваться только данными, плуцаемыми извне, сила одинокая и разъединенная. Все прочие животворные способности разума живут и крепнут только в дружеском общении мыслящих существ; рассудок же в своих низших отправлениях (в поверхностном анализе) не требует ни сочувствия, ни общения, ни братства и делается единственным представителем мыслящей способности в оскудевшей и эгоистической душе. Впрочем, это преобладание односторонней рассудочности не есть действительное укрепление рассудка. Он сам приходит в упадок и лишается всех аналитических способностей, но кажется только преобладающим и крепнущим потому, что все прочие способности подавлены". (73-74)

Хомяков указывает на крайнюю опасность для судеб русского народа деятельности формалистов и прочих безродных элементов, придавших русскому просвещению "колониальный характер", и считает счастьем то обстоятельство, что русский народ не принял этого чуждого ему просвещения, ибо тогда он перестал бы быть русским народом.

Лучше оставаться неграмотным, но вооруженным мудростью своего народа, чем быть грамотной безродностью, — вот его убеждение, за которое разного рода просветители русской публики отнесли его к числу консерваторов и даже реакционеров. Эти мысли Хомякова не были понятны тогда и неизвестны теперь: вот почему, в частности, и на наших глазах продолжается разнузданная деятельность цивилизаторов и просветителей, формалистов и эклектиков, постепенно и незаметно превращающих Россию изнутри в колонию западных держав.

Что же касается воинствующей безродности, то она не оправдывалась и не обосновывала своей прикровенности к западному формализму, а высмеивала и чернила все русское. Хомяков отмечал:

"Злость, с которой нападают на старую Русь, несет на себе характер рассердившегося бессилия. Вина старая Русь не в том, что была, а в том, что она есть и теперь и даже извещает надежду на будущее существование и развитие". (173)

С того времени много воды утекло, и в деле разрушения старой Руси наши враги и сознательная и бессознательная агентура внутри страны весьма и весьма преуспели. И все же и до сих пор всякое выступление в защиту старой Руси вызывает страх и происходящую от страха ярость безродных элементов. Кажется, чего уже бояться: старую Русь вроде бы истребили, в гроб положили, в могилу закопали, тяжелым камнем сверху привалили, а вдруг она пробудится, возродится, восстанет из гроба?

Пусть формалисты и всякая безродная бестолочь знают, что так оно и будет: Русь обязательно возродится и явится, как бы они ни противодействовали этому. Русь будет стремиться к возрождению, пока останется в живых хотя бы один русский человек.

Хомяков боролся с люмпенством не только в общем и целом; энциклопедически образованный человек, он бил люмпенов их же оружием в конкретных областях деятельности — в науке, искусстве, философии, религии, вопросах быта.

Борьба за русскую, народную науку, за новый тип просвещения.

В противоположность люмпенам, упивавшимся "успехами" в деле общения России с европейской образованностью, Хомяков стоял на той точке зрения, что состояние науки в России нельзя охарактеризовать иначе, как "ничтожество". При этом ничтожество науки в России он считал принципиальным, объективно обусловленным, вытекающим из отрыва интеллигенции от народа, силами самой науки неустрашимым:

"Наука сама продвинуться не может, покуда не будет устранена причина ее мертвенности, т. е. тот внутренний разрыв, о котором я уже говорил; но любопытно видеть, с каким упорством она отстаивает свое благоприобретенное ничтожество и с каким жаром восстает она против всякой попытки, могущей возмутить ее умственные силы".

В те времена, действительно, было только "любопытно", как сопротивляется формальная наука попыткам повернуть ее на народную основу. Что сказал бы Хомяков, если бы увидел, как формальная наука реаги-

рует на такие попытки сегодня? Хомяков видел главный порок тогдашней российской науки в заискивании формализма, неизбежно простиравшем из переноса западных теорий на русскую почву.

"... формализм неизбежный, как подражание чужеземным образцам, понятным в виде готового результата, независимо от умственного движения, которым они произведены. Формализм имеет и должен иметь постоянное притязание заменить собой всякую нравственную и духовную силу и находить всякий закон, всякую охрану и даже всякое начало движения в голых и вещественных формулах, приложенных к вещественным требованиям и побуждениям человеческим. Жизненную гармонию заменяет он, так сказать, полицейской симметрией в науке, где он более боится заблуждений, чем ищет истины..." (61)

Займствованный с Запада, формализм в России, однако, несравненно более вреден: на Западе формализм неизбежен, он вытекает уже из односторонности мировоззрения западных народов; он, так сказать, народен; формальные теории там становились и утверждались постепенно, в результате острой борьбы. В России же формализм сугубо противоречит народному складу ума, мировоззрению, а потому здесь он антинароден; к тому же российские формалисты взяли последние западные теории как готовый результат, а результат без истории, как это заметил Гегель, — ничто. Формалист не может понять целостность русского человека:

"Мелкое мерило рассудка ничтожно для проявлений целостности человеческой, и только то право в его глазах, что к жизни не годно". (48)

Поэтому самых выдающихся деятелей формальной науки Хомяков считал не учеными, а дикарями, стоящими неизмеримо ниже неграмотного, но просвещенного народной мудростью крестьянина:

"Наука не заключает еще в себе живых начал образованности. Нередко случается нам видеть многосторонних ученых, которых нельзя назвать дикарями, и невежд в науке, которых нельзя не назвать образованными людьми". (27)

Если Хомяков называл дикарями даже многосторонних ученых, то что же сказал бы он о современных ученых — профессиональных идиотах вроде тех академиков, что свихнулись на бредовых идеях искусственного (кибернетического) мозга и синтетической пищи?

Русские интеллигенты восприняли не просто западную науку — они восприняли схоластику и ее логическое продолжение — новую буржуазную науку, которая не может не быть мертвой наукой:

"Аристотель покончил в Элладе дело анализа, поскольку анализ мог быть в ней плодотворен и поскольку он мог продолжать свое развитие, не нарушая самых основ жизни, из которой возник. Дальнейшее развитие разума перешло по необходимости в преобладание рассудка, и... рассудок, в своей односторонности неизбежный скептик, засушил и искоренил все живое... Европа и Магометанский Восток подчинились... сухому анализу Аристотеля... Петр Первый вводил к нам европейскую науку; через это он вводил к нам всю жизнь Европы..." (176-180)

Русская наука подчинилась западной, поскольку

"человек, безусловно принимая чужой анализ, действительно подчиняется чуждому синтезу и делается его рабом". (179)

У каждого народа, обладающего собственным мировоззрением, должна быть своя наука. Хомяков разбирает (стр. 540) те возражения против этого тезиса, которые вытекают из того, что "истина одна, значит, и наука, изучающая истину, должна быть одной"; мы увидим дальше развитие тезиса Хомякова в книге Данилевского, а пока приведем лишь один из доводов Хомякова, интересный с точки зрения характеристики двух народов:

"Очевидно, что не может быть тождества между наукой в Англии, стране, которая никогда не умела отделять законов факта от случайностей, и в Германии, которая довела себя до состояния чисто аналитической машины, утратив всякое живое сознание фактов". (77)

У русского народа должна быть своя, русская наука, которой в России пока нет:

"У нас есть мысли и чувства, но мы думаем не своей головой и чувствуем не своей душой". (183)

Нужно не просто развивать науку добавлением со стороны русских ученых каких-то крох к добытому учеными Западом, а создавать новый тип просвещения:

"Просвещение шире науки... Оно может быть и без науки, наука же, одностороннее ее развитие, бессильна и ничтожна без него". (26)

Наука должна слиться с истинным просвещением России —

"Тогда будет у нас то жизненное сознание, которое необходимо всякому народу и которое обширнее и сильнее сознания формального и логического". (28)

При этом Хомяков видел призвание русской науки не столько даже в добыче новых фактов, сколько в осмыслении и объяснении фактов, добытых, но не понятых западной наукой:

"От нас нельзя ожидать, чтобы мы могли значительно обогатить науку специальными открытиями... Но нам возможны, и возможнее даже, чем западным писателям, обобщение вопросов, выводы из частных исследований и живое понимание минувших событий". (38)

Но, разумеется, для создания такой русской науки нужны были люди иного склада, чем тогдашние российские ученые-формалисты, оторванные от народа:

"Мысль и жизнь народная могут быть выражены и проявлены только теми, кто вполне живет и мыслит этой мыслью и жизнью". (152)

(Продолжение следует)

Подписка на "Нашу Страну" принимается на любое количество номеров, по ценам указанным в каждом номере газеты, на 4-ой странице.

БИБЛИОГРАФИЯ

Д. Антонов. "Сегодня" (Германия, 1986).

В своей новой книге Д. Антонов от литературных героев перешел к описанию реальных фактов и критике эмигрантской литературы.

Сначала автор рассказывает эпизод Л. Треппера, известного участника антигитлеровской борьбы, который в 1945 году вернулся в СССР.

... Треппер 10 лет "изучал" в тюремных камерах всю историю уничтожения Сталиным руководства армии. Его дети выросли в русской среде: эвакуация на Урал, потом опять Москва. Арест отца бросил мальчишек на дно российской беды.

... Гольда Меир отлично понимала, что если Леопольд Треппер, руководитель антинацистского "Красного оркестра", поселится в Израиле, то это сыграет большое значение для престижа страны, привлечет внимание антифашистов всего мира.

... В Израиле Треппер был поражен духовным маразмом своих старых кибуцных друзей. Местечковые марксисты, казалось, не заметили, как пролетели 50 лет, как рухнули ленинские "идеалы". Но старички гордо восседали в министерских креслах, клялись, что именно социалистические идеалы возродили государство Израиль. Они не хотели признаться, что все их Бен Гурионы ничего не смогли бы "возродить", не будь победы над Гитлером.

... Только благодаря военному разгрому национал-социализма — весь мир узнал о гибели миллионов евреев и содрогнулся. Этот шок и был использован Сталиным: создал Израиль, чтобы вытеснить Англию, внедриться на Восток, это бросило арабов в советские объятия. Сталин знал, что на израильских социалистов он всегда может положиться. Это естественное тяготение двух тоталитарных систем было использовано Андроповым, чтобы еврейский национализм и русский патриотизм, то и другое загнать в казенное русло. Израильские социалисты получили от США сотни миллионов долларов для "устройства" советских евреев. Но все деньги пошли на укрепление израильского марксизма.

... Под руководством Бен Гуриона, лысого карлика, не доросшего до человечности, как и Ленин, которого любил, подражая всю жизнь. Оба фанатика уверовали в свою "историческую" роль, не желая считаться с жертвами. "Капитал", со времен Маркса, партия добывает на массах (трупов).

... Самое грустное, что израильские национал-большевики не имеют никакого отношения к войне против Гитлера. Напротив, во время войны они убивали английских офицеров по тайным инструкциям Сталина. Им плевать на страдания евреев, не случайно ведь 30 лет отказывались опубликовать "Черную книгу" о гибели советских евреев, значит, прикрывали Сталина и Гитлера.

... Победа на выборах Бегина мало что изменила: он спешил показать себя демократом, заявил, что все старые чиновники останутся на прежних местах. Психологию Бегина можно понять: 50 лет Бен Гурион правил консерваторов, называл их

"фашистами". И вот, оказавшись у власти, Бегин старался показать всему миру, что их оболгали, что консерваторы — сушие ангелы. Реформы не были проведены, экономика так и осталась во власти социалистов, их профсоюзов.

... Еврейский университет был штабелем социализма и старался очиститься от "ренегатов", проповедующих "русский дух и антикоммунизм", — несколько человек было уволено "по сокращению штатов", среди них Аваталий Якобсон, который получал "пособие" в славистическом центре. Рассказывали, что он ужасно поскандалил с теми, кто заправлял там русской литературой. Якобсон также резко высказался об уровне университетских работ, затем он был объявлен "психопатом", уволен и — доведен до самоубийства.

... В "Граниях" номер 139 профессор Еврейского университета И. Серман "объективно" защищает Маяковского от критиков. Обтекаемо, научнообразно, как у структуралистов, угождающих советским "либералам". Разумеется, что в глубине души Серман не может любить советский режим, державший его в заключении около 5 лет за космополитизм. Но привычка служить — проявилась с новой силой в Израиле, заставила его перейти от своей прямой специальности (18-ый век, Ломоносов и др.) к советскому периоду. Приказано было — доказать, что израильские профессора — не враги социализма, а либеральные коллеги. Либерализм на сей раз проявился в "разоблачении" книги Ю. Карачневского о Маяковском (Германия, 1985). Серман укоряет Ю. Карачневского за критицизм: "столь горькие упреки и укоризны в адрес Маяковского", рекомендует московскому диссиденту "задуматься о поэте без гнева и возмущения".

... Горький и Маяковский, как известно каждому серьезному историку литературы, — всего лишь обездушенные люмпены, посредственности, тут и спорить не о чем. Конечно, Горький и Маяковский обладали особыми качествами, позволявшими им занять первое место после победы октября: они всегда проповедывали насилие, уничтожение старой России, — орали громче всех. Но Серман спешит оправдать Маяковского: не дожидаясь, дескать, до падения культа личности. В конце 20-х годов еще, мол, не ясна была историческая перспектива. Это ложь. В 1921 году уже все было ясно Гумилеву, Мандельштаму, Бунину, Булгакову, Замятину... Партия — даже не названа Серманом, будто и не слышал.

... А вот Ходасевич одним словом объяснил Маяковского: "Его истин-

ный пафос погрома, то есть насилия и надругательства над всем, что слабо и незащитно. Октябрь манил его ревом погрома".

... А в "Русской Мысли" И. Серман пишет, что "Достоевский, конечно, был ренегатом, нравится это нам или нет, и за это его хвалил Победоносцев". Что это — над Иерусалимом уже красный флаг? И. Серману ответил М. Геллер: "Любопытно, считает ли Серман ренегатом своих друзей — бывших членов партии?"

... Г. Свирский в книге "Прорыв" показал весь механизм израильского социализма. Это подлинная энциклопедия еврейского Исхода. За 3 года после ее издания (1983) — ни одной рецензии в диссидентской прессе. Впрочем, первая рецензия сопровождает "Прорыв" на обложке, сзади, — кто-то спешно зализывает кровоточащую рану: спешит оправдать "молодое государство", ибо "окруженность врагами, ограниченность природных ресурсов, при демократии..." Что это, ложь во спасение, по советской привычке? Достаточно прочесть только одну главу этой книги, например, "Римское гетто", чтобы понять трагедию героев "Прорыва": вырвавшись из лап советского фашизма, они попали в калкан израильского национал-большевизма. Прикидываясь своим, еврейским, израильский большевизм держит на цепи людей, ступивших однажды на их "обетованную землю". 10 лет назад "Шпигель" упрекал США за тайный сговор в уничтожении израильских беженцев в Риме. "Тайм" тоже писал — Свирский приводит все материалы. Это и есть красный фашизм, хоть Израиль принято считать "слабым, несчастным". Лицемерие, ложь. Герои Свирского совершенно напрасно думают, что оставаясь жить в Израиле, они научатся противостоять аппарату чиновников, — это опасная иллюзия. Тоталитарная идеология втягивает в свой омут даже и "приличных" людей, которых чиновники натравливают на беженцев.

... Ш. Маркиш напечатал рецензию на "Прорыв". "Куда прорвался Г. Свирский?" ("Время и Мы" номер 87). Раньше казалось, что Маркиш не мог написать такой мерзости! Столько здесь ненависти к Свирскому! В ответной рецензии "Как это делается или Шимон Маркиш рецензирует себя", Е. Майданик пронизательно замечает, что соавтором Маркиша является, наверное, фашист Е. Евсеев, опубликовавший в Москве книжку... Ш. Маркиш спешит заверить весь мир, что "Прорыв" — "очень плохая, до отвращения скверная книга". Раньше верилось, что женева-ский профессор Ш. Маркиш не стал бы жульничать и с наглой самоуве-

ренностью писать об израильской жизни, которой и не нюхал. Это ведь дисквалифицирует его абсолютно, и как профессора, и как литературного критика, осмелившегося писать о предмете, совершенно неизвестном ему! Надо быть Ждановым, чтобы обозвать книгу Свирского "доносом" на еврейский народ, это значит ничего не понимать в литературе вообще, выступить в роли прокурора Вышинского.

... Считают, что тут сыграла роль личная обида Маркиша на Свирского, якобы намекавшего на "продажность": "Прорыв" разоблачает некоего "Маркитанта". "Всегда, в каждой волне эмиграции, покупали людей, которые говорили потом от имени волны. Купили сорокалетнего сиротку Маркитанта, которого (за муки отца) приняли в Израиле как недовоска, положили в вату, оклад назначили, а теперь он пишет в ивритской печати (чтоб "русские" не узнали), что эмигранты из СССР — рвачи и негодяи. Чем ты лучше Давида Маркитанта, нагнетающего враждебность к "русской волне" в Израиле?!"

... "Историческая повесть" Давида Маркиша, опубликованная в "Граниях", служит одному: оправданию казенной идеологии. Если Маркишу угодно, то может он взять автомат, загонять евреев в трюмы кораблей и выгружать их только в Хайфе, предварительно заключив тайный сговор с правительствами свободного мира. Дело хозяйское... (Сейчас, летом 1988 Би-Би-Си передает ежедневно чтение этой повести Маркиша. "Прорыв" Свирского скрывают от советских слушателей. До чего же сильна ложь и на Би-Би-Си!).

... Г. Свирский выступает против любой разновидности фашизма, что видно и в его талантливой рецензии о "Жизни и судьбе" Василия Гроссмана ("Грани" номер 136). Тут Свирский глубоко показал общие корни коричневого и красного фашизма. Но совсем иначе комментирует роман Гроссмана Ш. Маркиш в израильском журнале "Народ и земля". В ответ на рецензию Маркиша редакция "Континента" (номер 45) писала о литературоведах в штатском, осевших на Западе, чтобы пропагандировать нацистский миф об "исконном русском рабстве".

... Нельзя запугивать людей демagogией советского типа: "не выносить сор из избы", или, как заявил Н. Коржавин: "не говорить пакостей об Израиле". Коржавин никогда не жил в Израиле и ему, как и западным коммунистам, не жившим в СССР, любое слово критики может показаться "пакостью". Израильские социалисты орут: "Коржавин — говорит пакости, продался властям, чтобы НТС издавал его стихи. О любой критике можно сказать: "пакость". Ныне и Горбачев говорит, что надо смело критиковать, но если кто-то переходит казенную черту, то критику называют "пакостью" и дают срок.

... Боятся все! Трясутся перед израильскими патриотами как бы антисемитами не назвали. Называют "графоманами" всех, кто печатается без их согласия, цензуры. Боятся правды!

... Не различают на слух ветчину и антисоветчину...

Е. Кармазин

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Национальная, внепартийная, общественная ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Подписка на 1 год — 75.- долларов, на полгода — 40.- долларов, на 3 месяца — 25.- долларов.

Подписку направлять по адресу: 2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 4.00 австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты. Чехи: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino Sucursal 30 (B)	Franqueo pagado. Conces. No. 4233 Interes General. Conces. No. 3980
-------------------------------------	--